

Ю. И. Айхенвальд

Сергей Аксаков

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/aksakovy/aihenv_serg_aksakov.html.

"Семейная хроника" и примыкающие к ней сочинения Аксакова представляют собою один из самых уютных уголков русской литературы. Здесь раскрывается перед нами жизнь, как таковая, жизнь, взятая в наиболее простой и скромной форме и тем не менее в отклике своего благодушного рапсода зазвучавшая тихими звуками очарования. Они были серы, эти необразованные оренбургские помещики, но Аксаков убедил нас, что всякая жизнь интересна и что ни одна жизнь не заслуживает смерти, ни одна смерть не права перед человечеством и перед бессмертием. В прозе и обыденности бесцветных дней, в однообразии быта, в механизме самодовлеющего хозяйства он увидел и показал внутреннюю красоту, мерное дыхание человеческой души. И, расставаясь с его героями, всякий повторит его сердечные напутственные слова:

"Прощайте, мои светлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди или, лучше сказать, образы, в которых есть и светлые и темные стороны, в которых есть и доброе и худое! Вы не великие люди, не громкие личности; в тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь, в свою очередь, будем любопытны и поучительны для потомков. Вы были такие же действующие лица великого всемирного зрелища, представляемого человечеством, так же добросовестно разыгрывали свои роли, как и все люди, и так же стоите воспоминания. Могучею силою письма и печати познакомлено теперь с вами ваше потомство. Оно встретило вас с сочувствием и признало в вас братьев, когда и как бы вы ни жили, в каком бы платье ни ходили. Да не оскорбится же никогда память ваша никаким пристрастным судом, никаким легкомысленным словом!"

Все достойны воспоминания, все мы интересны, и стоит нам только умереть, чтобы это сделалось очевидным. Ибо после смерти близкого человека сливаются в одно целое все эти разрозненные слова, которые он произносил на протяжении своей жизни, все эти бесчисленные проявления его незаменимой личности, все эти мелочи, которых от привычки мы уже не замечали и которые теперь, погаснув навеки, стали для нас особенно дорогими, осмысленными и сплелись в живой облик, полный грусти и сладости. Нравственное творчество смерти, ее духовный синтез именно там, где она только что произвела страшное физическое зияние, гнетущую пустоту, вызывает законченный образ, и существо, которое от нас ушло, возвращается для нашего воспоминания в своем единстве и собранности. Жизнь рассеивает, смерть собирает. Но не всякий умеет вспоминать. Аксаков же обладал этим даром всецело. В дневнике его души не изгладились желанные образы родных; они никогда не стали для него чужими и мертвыми. Он не принял смерти, с нею не примирился. Он сумел, в пожилые годы оглянувшись назад, припомнить все детали ушедшего детства, оживить потускневшие лица и воспроизвести тембр отзвучавших голосов. Он воскресил даже и тех, кого сам не видел, о ком только слышал из чужих родственных уст. Это не только память ума, это больше - память сердца. Оттого предки неизменно сопутствуют Аксакову, хотя и смягченные в своей былой резкости, отодвинутые далью годов. Надорванная Парками нить отживших жизней осталась для него цела, потому что он победил смерть кроткой силой любви, любовного воспоминания. В имении Багрова-отца сохранился дуб, которому насчитывали тысячу двести лет; это характерно, и он сохранился также у Багрова-внука, ничего не теряющего, бережного хранителя нравственной старины. Аксаков прежде всего - потомок, и среди равнодушных и забывчивых он единственный свято блюдет культ предков. Он поддерживает связь и единство человеческих поколений. Его душа - "страна воспоминаний".

Удержат прошлое, интимное, милое, не дать ему уйти - это, конечно, большая заслуга. Но, без сомнения, на тихий подвиг воспоминания окажется способным только тот, у кого настоящее протекает безбурно и бледно. Чья душа вместит страсть и полноту мгновений наряду с отчетливостью прошедших образов? Здесь необходим выбор, и надо поступиться напряженностью настоящего, для того чтобы остаться верным прошлому. Аксаков и был мирен, спокоен, добродушен в каждый данный момент; оттого и далась ему памятьливость чувства, нравственная археология. Он глубоко запомнил, и облики умерших людей так выразительно обрисовались как раз на фоне его духовной тишины.

Однако не следует думать, что их изображение, по-видимому такое элементарное и осуществленное с наименьшей затратой искусственных приемов литературы, досталось Аксакову легко. Для того чтобы написать эти столь близкие к жизни и прямо из нее взятые фигуры, необходимо было